

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Л.С. Лебедевой

«Проблемы пространственно-временной изменчивости длины тела мужчин на протяжении XIX–XX вв.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4 Этнология, антропология и этнография (по историческим наукам)

Актуальность работы, представленной на соискание степени кандидата исторических наук, довольно спорна. Изменчивость длины тела (далее – ДТ) как антропологического признака подробно проанализирована в мировом и локальном масштабе в третьей главе диссертации Д.В. Пежемского «Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения» [Пежемский, 2011]. Также два года назад, в марте 2022 г. была защищена диссертация А.А. Хафизовой «Антропологические аспекты влияния социально-экономических факторов на секулярные изменения размеров тела современной молодёжи (начала XX–XXI вв.)», где анализируется изменчивость дефинитивной ДТ у мужчин и женщин в различных регионах нашей страны на протяжении XIX–начала XXI вв. Эту диссертацию предваряла статья в соавторстве с М.А. Негашевой, где указывается, что «несмотря на значительную вариабельность секулярных изменений тотальных размеров тела в разных регионах России» видится общая для всех популяций закономерность, состоящая «в увеличении дефинитивной длины тела на протяжении изученного периода времени» [Хафизова, 2022; Хафизова, Негашева, 2020]. Статья построена на большом объёме литературных данных по антропометрии населения России, опубликованных по унифицированной методике, принятой в отечественной антропологической школе. Таким образом, длина тела – хорошо исследованный в отечественной биоантропологии признак.

Тем не менее картографирование биологических признаков, несмотря на то, что это устоявшийся и хорошо применяемый в антропологии метод, в настоящее время почти не используется. Современные методы пространственного анализа позволили бы четче визуализировать тенденции в распределении признаков и их комплексов. Эта попытка предпринимается соискателем на примере длины тела. Также существует необходимость определения конкретных факторов и/или их совокупности, влияющих на динамику морфологических показателей тела человека на протяжении последних двух веков. Эти два положения способны несколько актуализировать представленную работу.

Предмет исследования сформулирован Лебедевой Л.С. как «пространственная и временная дифференциация дефинитивной длины тела мужского населения России (Европейской части России) на протяжении XIX–XX вв.», однако, эти рамки не соблюдаются на протяжении всего текста диссертационного исследования. Необоснованно и спорадически приводятся данные по изменчивости длины тела у женщин, которые не позволяют дополнить и корректнее интерпретировать изменчивость длины тела мужской части населения. Кроме того, соискатель приводит данные по ИМТ, массе тела, объёму груди, что также выходит за рамки работы и не способствует решению поставленных задач.

Источники исследования. Вызывает большие вопросы корректность использования источников, собранных Лебедевой Л.С., а также построение хронологической динамики дефинитивной длины тела на их основе. Так, соискатель опирается как на непосредственные измерения, произведенные с помощью антропометра или ростомера, а также на данные опросов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Лебедева Л.С. указывает на методическую ошибку между измерениями, проведенными при помощи антропометра и ростомера (1-2 см). Ошибка между измерительными и опросными данными варьирует в пределах 0,3–4,9 см. Агрегация данных не снимает проблему сопоставимости прямых измерений со статистической моделью, основанной на данных опросов. Кроме того, на основе статистических данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, соискатель использует сведения об индивидах, рожденных в 1961 – 1996 гг. Считая, что им всем от 22 до

35 лет и группируя их в единую выборку. Тем не менее считается, что пик секулярных изменений достигается среди рождённых в 1960-е гг., а далее происходит стагнация процессов увеличения ДТ, и таким образом мы имеем дело с отличиями между поколениями в ДТ, которая нивелируется объединением в единую выборку. В этой связи вновь встаёт проблема корректности применяемых статистических данных.

Научная новизна с нашей точки зрения состоит в обосновании тезисов о воспроизводстве ареалов малорослости и высокорослости европейской России XIX – XX вв., несмотря на секулярные тренды, о влиянии уровня образования на дефинитивный показатель длины тела, о географической связанности территорий.

Непрерывное и планомерное увеличение ДТ, в том числе дефинитивной, на протяжении XIX–XX вв. было показано ранее многими отечественными антропологами [Бунак, 1968; Властовский, 1976; Ямпольская, 2000; Хафизова, Негашева, 2020], а изучение секулярного тренда, по замечанию самого соискателя являлось одним из ведущих направлений антропометрических исследований в XX в. Также была ранее показана и неравномерность происходивших в XX в. ростовых процессов и изменений итоговых значений ДТ [Хафизова, Негашева, 2020].

Необоснованным выглядит вывод о влиянии санитарно-гигиенических условий 20-х гг. XX в. на значение исследуемого показателя. Во-первых, соискатель говорит, что дефинитивная ДТ – это стабильный показатель. При этом приводит статистические данные для 1926 г. – когда и были сделаны измерения новобранцев. Постановка вопроса о влиянии заболеваемости уже взрослых людей на их длину тела в этой связи выглядит неправомочной. Далее соискатель производит попытку проанализировать уровень заболеваемости на начало XX в. – время детства измеренных индивидов – и делает вывод о том, что «не было обнаружено никаких связей между уровнем заболеваемости в регионах и дефинитивной длиной тела призывников». Затем Лебедева Л.С. исследует влияние распространенности заболеваний на такие показатели, как ИМТ, масса тела, обхват груди и находит эти связи, по результатам которого делается вывод, что гипотеза о влиянии санитарно-гигиенических условий частично подтверждена. Непонятно, во-первых, почему вдруг вводятся эти признаки в исследование, хотя раньше они не упоминались, и предмет исследования заключается в другом, а, во-вторых, соискатель игнорирует собственные результаты и делает обратный вывод.

Корректность постановки вопроса о влиянии этнической принадлежности на дефинитивную длину тела также несостоятельна в рамках исследований любого биологического признака, в том числе и длины тела. Этническая принадлежность – это социокультурное понятие. На дефинитивную длину тела влияет популяционная принадлежность индивидов. Понятия «этнос» и «популяция» в физической антропологии разделяется очень чётко, потому что антропология как биологическая наука изучает исключительно популяционную структуру антропологического покрова планеты. Эти две категории «популяция» (или группа популяций) и «этнос» могут совпадать в силу исторического развития человеческого коллектива и его изоляции от окружающих коллективов. Могут, но не должны. В этой связи подобная постановка вопроса терминологически некорректна. Этническая принадлежность в физической антропологии используется как ёмкий индикатор понятия о родословной индивида и не более того. В этой связи выявление связи дефинитивной ДТ с «этнической принадлежностью» обосновывает генетическую детерминанту этого признака.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций

Проанализировав хронологические изменения ДТ на территории России (стоит ещё раз отметить, что это композитные данные, содержащие как прямые измерения, так и результаты социологических опросов), Лебедева Л.С. приходит к выводу, что длина тела мужчин непрерывно и планомерно увеличивалась. Однако, сравнивая с темпами секулярных процессов в других странах, соискатель предлагает тезис «замедления» темпов роста ДТ в России по сравнению с другими странами и считает, что это связано с влиянием

«политических и социально-экономических трансформаций начала XX в.». Тем не менее собственные результаты Лебедевой Л.С. опровергают этот тезис. Судя по рисунку 3.4 мы видим, что по данным NCD-Risc какой-либо стагнации ДТ мужчин, рожденных в начале XX в. не наблюдается, наоборот – длина тела непрерывно увеличивается и стагнация возникает только в 1970-е – период стабилизации секулярных изменений. Вторая кривая, построенная на композитных данных показывает небольшую стагнацию хронологической динамики дефинитивной ДТ у рожденных в 1910-е гг. Это действительно период потрясений внутри страны, связанный со снижением численности населения в результате Первой Мировой войны, революций, начала Гражданской войны, однако, динамика увеличения ДТ наблюдается уже рожденных в 1920-е гг. и далее до 1970-х. Известно, что 1920–1940-е гг. были не менее трагичным периодом, сопровождаемым голодом, массовыми репрессиями, Великой Отечественной войной и тяжелым послевоенным восстановлением. Почему Первая мировая война повлияла на хронологическую динамику дефинитивной ДТ, обнаружив эффект стагнации, а Вторая мировая война не вызвала таких изменений? Соискатель не задаётся этими вопросами, ограничиваясь довольно сомнительными декларативными утверждениями. Кроме того, если мы сравним приведенные в тексте изменения ДТ в России и Нидерландах, мы увидим схожую динамику изменений, так называемый «компенсаторный рост» в 1930–1960-е гг. Однако, ничего не предвещало этот «компенсаторный рост» в России в связи с вышеперечисленными социальными потрясениями, ни в Нидерландах, где по утверждению соискателя у рожденных в начале 1940-х гг. дефинитивная ДТ должна было сильно уменьшиться из-за голода. Таким образом замедление хронологической динамики дефинитивной ДТ мужчин в России в начале XX в. нельзя объяснить политическими и социально-экономическими трансформациями на основе приводимых соискателем данных.

Вывод о пространственных изменениях ДТ и воспроизводстве областей «высокорослости» и «малорослости» довольно обоснован и наглядно хорошо считывается на рисунках интерполяционных поверхностей показателей дефинитивной ДТ населения европейской России. Тем не менее эти географические зоны и сохранение их на протяжении XX в. были также наглядно показаны в работах А.Л. Пурунджана, на которые Лебедева Л.С. ссылается, но не анализирует полученные им результаты, не проводит аналогии с выделенными Арсеном Леонидовичем соматическими вариантами. Выявленный новый центр «высокорослости» на территории Московской агломерации и Тулы был также обнаружен по данным антропометрических исследований и обсужден в статье А.А. Хафизовой и М.А. Негашевой.

Степень обоснованности выводов о влиянии на дефинитивную ДТ отдельных внешних факторов стоит рассмотреть отдельно. Мы находим вывод о влиянии санитарно-гигиенических условий несостоятельным в связи с методологическими ошибками, о которых упоминалось ранее, а также игнорированием интерпретации полученных корреляций. Например, длина тела сельского населения имела положительную корреляцию с распространенностью венерических заболеваний, что логически бессмысленно. При этом соискатель прямо пишет о нелогичности полученных результатов, но использует их в дальнейшем анализе и доказывает их влияние на дефинитивную ДТ мужчин, что ставит под сомнение как корректность статистического аппарата, так обоснованность интерпретаций.

Результат о влиянии городского образа жизни на увеличение дефинитивной ДТ выглядит слабо обоснованным. В первую очередь на себя обращают внимание отличия город – село по данным ЦСУ 1920-х гг. Статистическая значимость различий достигается между горожанами и селянами РСФСР, русскими. Однако, если мы посмотрим на абсолютные значения величин, то для городских жителей средняя ДТ равна 167,52, для сельских – 167,07. Эти цифры находятся в рамках методической погрешности измерений, всего 0,45 см. В этой связи совсем неясно, как они могут статистически отличаться. Возможно, примененный метод Уэлча излишне чувствителен к таким небольшим колебаниям значения ДТ, и его выбор довольно сомнителен для данной задачи.

Дальнейшие анализы проводились на агрегированных данных опросов. Действительно, мы видим небольшие отличия между жителями региональными центрами и селами (177,88 и 175,39 соответственно). Кроме того, видится постепенное уменьшение ДТ у населения от большего населенного пункта к меньшему. Тем не менее выбранный статистический критерий снова показывает странные результаты. Например, фиксируются статистически значимые отличия между региональным и районным центром, но нет отличий между региональным центром и пгт, хотя в пгт длина тела мужчин меньше, чем в районном центре. Эти несоответствия бросаются в глаза. В совокупности с небольшими суммарными отличиями в ДТ населения города и села (всего 2,49 см), слабому доверию к данному источнику, эти результаты выглядят недостаточно обоснованными.

Вывод о влиянии уровня образования и профессиональной деятельности на дефинитивную длину тела довольно интересен. Результаты исследования выглядят убедительными. Тем не менее объяснение зависимости уровня образования и дефинитивной длины тела через увеличение доступа к материальным благам довольно сомнительно. Скорее вариации дефинитивной длины тела в зависимости от образовательного и профессионального статуса можно объяснить явлением брачной ассортативности, когда люди более близкого социально-экономического уровней, похожие внешне с большей вероятностью создадут семью, чем люди из разных слоёв общества и сильно отличные фенотипически [Курбатова, 2014]. В любом случае этот вывод заслуживает внимания и дальнейшей проработки.

Влияние географической близости популяций на значения дефинитивной длины тела очевидно. Это довольно просто объясняется через отсутствие географических барьеров на равнинной территории современной европейской России, а также социальных барьеров (моноэтническая среда анализируемых территорий). В этой связи создаётся почва для интенсивного генетического обмена и отсутствие изоляционного фактора между популяциями, поэтому показатели ДТ оказываются довольно схожими. Однако, стоит отметить, что, несмотря на вполне логичный вывод, полученный в результате анализа, теоретическая основа, на которую опирается соискатель при изучении «эффекта соседства», совершенно немыслимы для исследователя, анализирующего наследуемые биологические признаки (а длина тела относится именно к таковым). В качестве первого направления, в котором «раскрывается» «эффект соседства» называется следующий: «рост человека <...> может приспосабливаться к среднему росту сверстников, то есть в более высоких сообществах будут расти более высокие люди, в более низких сообществах – низкие». Хочется задать справедливый конкретный вопрос: правильно ли понят тезис из цитируемой публикации? А если правильно, как это биологически возможно? Если поместить ребёнка из Северной Европы в сообщество пигмеев экваториальных лесов Африки, он перестанет расти, потому что таково будет его окружение? Во-вторых, «стратегический рост», вероятно, проявляется не у конкретного индивида в процессе онтогенеза, а у всей популяции в течение длительного периода времени под действием хотя бы и ослабленного, но отбора. В-третьих, очень сомнительно связывать изменения длины тела с «надеждой на лучшую жизнь» и «повышением политической свободы» и обосновывать этим «эффект соседства». Например, в России 1990-х гг. уже идут процессы стагнации динамики дефинитивной длины тела, которые наблюдаются и в 2000-е гг. Хотя, в середине 1980-х–начале 1990-х гг. произошла смена политического режима и появились так называемые «надежды». Таким образом, стоит заключить, что «эффект соседства» – это явление, маркирующее отсутствие генетических барьеров, а вовсе не фактор социальных изменений.

Несмотря на то, что соискатель опирается на внушительный объём литературы, старается обобщить данные различных дисциплин: ауксологии, экономики, истории, ярко считается непонимание природы анализируемого признака. Биологическая основа дефинитивной длины тела бесспорна. Было бы глупо отрицать, что на ДТ оказывают влияние внешние факторы, но они вносят если не минимальный, то значительно более меньший, вклад в изменчивость этого признака. Несмотря на то, что Лебедева Л.С. в большей мере симпатизирует результатам Б. Богина о том, что «реальный вклад генетики в объяснение

различий в длине тела между популяциями не превышает 5 %», игнорировать исследования, основанные на близнецовом методе и методе внутрисемейных исследований, непозволительно. Генетический вклад в изменчивость размеров скелета, высоко коррелирующих с итоговой длиной тела, достигает 70–90 %. Даже непосредственные результаты соискателя доказывают этот тезис. Гораздо более значимый вклад в территориально-хронологическую динамику дефинитивной длины тела оказывает «этническая» (то есть популяционная) принадлежность индивидов, выявляется сильная и действительно статистически значимая зависимость длины тела от средней ДТ родителей даже по данным опросов. Кроме того, с точки зрения использованной терминологии эта работа напоминает лоскутное одеяло, а биологические термины в ней выглядят чуждыми и искусственными.

Замечания:

Помимо общетеоретических и методических проблемных аспектов представленного текста диссертации, можно указать следующие конкретные замечания:

1. Не вполне ясно, почему автор считает дефинитивную длину тела и ее территориально-хронологическую изменчивость предметом ауксологии. Дефинитивная ДТ – это признак общей соматологии человека. Возможно, он используется в некоторых ауксологических работах, но это явно не центральный предмет изучения роста и развития человека и его популяций.

2. В литературном обзоре упоминается, что Т.И. Алексеева – ведущий исследователь проблемы адаптации человека к условиям среды, ровно как и во введении указывается, что соискатель методологически опирается на её разработки, однако её работы не анализируются, а проблема адаптивности популяций не рассматривается вовсе. В этой связи встаёт вопрос, знакома ли Лебедева Л.С. с работами Т.И. Алексеевой и почему она их упоминает в диссертационном тексте, но не использует при интерпретации результатов?

3. Соискатель также опирается на измерительные данные из публикаций и монографии А.Л. Пурунджана, и заявляет, что базируется на них методологически. Тем не менее в тексте его разработки не используются при интерпретации результатов.

4. В работе Лебедевой Л.С. обнаруживаются ссылки на Википедию. Как известно, это образовательный ресурс, статьи для которого пишут пользователи, а ссылки на источники в нём содержатся далеко не всегда. Интерпретация полученных результатов в диссертационном исследовании должна базироваться на имеющих под собой научное обоснование процессах и содержать ссылки на работы других исследователей, а не на непроверенные источники информации.

5. Соискатель использует термины «этническая, военная и женская антропометрия». Интересно было бы узнать биоантропологическую литературу, в которой эти термины применяются.

6. Есть также вопросы к критериям отбора источников. Почему подбирались только те, где содержались сведения о «15 регионах и более», ведь сведения о длине тела населения СССР и современной России в большем объеме содержатся в отдельных тематических публикациях? И если так, почему не использовались табличные значения, опубликованные в коллективных монографиях «Антропоэкология Центральной Азии» и «Антропоэкология Северо-Восточной Азии», где собраны обширные результаты антропоэкологических экспедиций на территории бывшей СССР под руководством Т.И. Алексеевой?

7. Таблицы содержат некорректные графы. Например, этническая принадлежность указывается как «есть русские и не русские». На наш взгляд, это довольно значительная ошибка для диссертанта, защищающегося по специальности 5.6.4 «этнология, антропология и этнография».

8. Как соискатель объясняет проблему использования базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, ввиду того, что это исследование проводилось на протяжении более 20-ти лет, и в выборку попали индивиды, рожденные на протяжении 30-летнего периода, при этом считается, что все они относятся к группе 22–35-летних? Разница в дефинитивной длине тела между поколениями

второй половины XX в. в таком случае игнорируется? А если она игнорируется, как можно говорить о хронологической динамике показателя после 1960-х гг.?

9. В тексте не анализируется специфика источника данных УМЭЗ, хотя он применяется при анализе пространственной дифференциации длины тела населения Украины.

10. На стр. 89 указан термин «Центральная Азия», хотя речь идёт о странах, сформированных в результате распада СССР, к которым применяется в отечественной этнографической и антропологической литературе термин «Средняя Азия». Почему соискатель выбрал данный термин, игнорируя сложившуюся традицию?

11. В главе 3 объединяются данные по средней длине тела различных этнических групп – коми-зыряне, коми-пермяки, карелы, вотяки, марийцы, чуваша, башкиры, татары, мордва, калмыки, крымские татары и поволжские немцы – в единую группу «коренные народы». В этой связи соискатель в анализе не учитывает специфику популяционно-генетической истории этих народов, а значение такой обобщённой длины тела показывает несуществующий в реальности человеческий коллектив и его характеристику.

12. Список литературы включает 235 пунктов из них на 88 на русском языке, остальные на иностранных языках (преимущественно на английском). Учитывая, что работа представлена на соискание степени кандидата исторических наук и построена исключительно на данных, собранных другими исследователями, существенным недостатком оформления библиографии является отсутствие выделения источников в отдельную категорию списка.

Отмеченные недостатки значительно снижают научную ценность и обоснованность результатов диссертационного текста Лебедевой Л.С. «Проблемы пространственно-временной изменчивости длины тела мужчин на протяжении XIX–XX вв.», несмотря на то, что исследование, несомненно, является самостоятельной работой и было апробировано на международных и локальных конференциях, представлено рядом публикаций. Присуждение диссертанту искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4 «Этнология, антропология и этнография» остаётся на усмотрение диссертационного совета по результатам защиты.

Кандидат биологических наук,
научный сотрудник отдела антропологии МАЭ РАН
Е.А. Вагнер-Сапухина

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) Российской академии наук
Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3
Тел.: (812) 328–08–12
Эл. почта: lena.sapuhina@gmail.com

